

Оригинальная научная статья

Добровольный отказ от преступления в российском праве: от Русской Правды до Уголовного кодекса Российской Федерации

Ю. В. Свиридов

*Адвокатская палата Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
Ханты-Мансийск, Российская Федерация*

✉ adv.sviridov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу эволюции института добровольного отказа от преступления в российском уголовном праве, начиная с древнерусского периода и заканчивая современными нормами Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследование охватывает ключевые этапы формирования данного правового явления, демонстрируя, как под влиянием социальных, политических и правовых факторов менялись подходы к дифференциации ответственности за незавершенные преступления. В работе прослеживаются истоки института в Русской Правде (XI–XIII вв.), где уже встречались нормы о смягчении наказания за отказ от противоправных действий (например, снижение штрафа за обнажение меча без нанесения удара) или полном освобождении от ответственности при устранении последствий деяния. Особое внимание уделено периоду Московского государства (XV–XVII вв.), когда в Судебниках 1497 и 1550 гг. и Соборном уложении 1649 г. косвенно признавалась значимость стадий преступления, хотя прямого закрепления добровольного отказа еще не существовало. Переломным моментом стало законодательство Петра I, в частности Артикул воинский 1715 г., впервые выделивший стадии преступной деятельности (приготовление, покушение) и предусмотревший снижение наказания за раскаяние. Далее в статье анализируется Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., систематизировавшее нормы о добровольном отказе, включая освобождение от ответственности соучастников при своевременном предотвращении преступления. Показано, как советское право (Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.) трансформировало институт, сместив акцент на отсутствие состава преступления при добровольном отказе, а также как судебная практика Верховного Суда СССР закрепила критерии добровольности и осознанности. В заключительной части раскрыты положения ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации, где добровольный отказ трактуется как прекращение приготовления или покушения при осознании возможности завершить преступление. Подчеркивается, что современный подход сочетает традиции дореволюционного права (гибкость оценки мотивов) и достижения советской юридической мысли (акцент на предупреждение преступлений). Статья адресована юристам, историкам права и обучающимся, интересующимся эволюцией уголовно-правовых институтов. Значение исследования заключается в демонстрации преемственности правовых традиций, а также в актуализации исторического опыта для совершенствования современных механизмов стимулирования отказа от преступной деятельности.

Ключевые слова: добровольный отказ от преступления; историко-правовой анализ; российское уголовное право; эволюция права; стадии преступления; уголовная ответственность; судебная практика; правовая доктрина

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Свиридов Ю. В. Добровольный отказ от преступления в российском праве: от Русской Правды до Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 3. С. 441–454. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-3-441-454>. EDN: <https://elibrary.ru/jitjvo>

Original scientific article

Voluntary Abandonment of a Crime in Russian Law: From the Russkaya Pravda to the Criminal Code of the Russian Federation

Yu. V. Sviridov

Chamber of Advocates of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, Khanty-Mansiysk, Russian Federation
✉ adv.sviridov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a historical-legal analysis of the evolution of the institution of voluntary abandonment of a crime in Russian criminal law, from the Old Russian period to the modern norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The study covers the key stages of the formation of this legal phenomenon, demonstrating how approaches to differentiating liability for incomplete crimes have changed under the influence of social, political, and legal factors. The origins of the institution are traced to the Russkaya Pravda (11th–13th centuries), where norms already existed on mitigation of punishment for refraining from unlawful actions (for example, reducing the fine for drawing a sword without striking) or complete exemption from liability upon elimination of the consequences. Particular attention is paid to the period of the Muscovite state (15th–17th centuries), when the Sudebniks of 1497 and 1550 and the Council Code of 1649 indirectly recognized the significance of crime stages, although voluntary abandonment had not yet been expressly enshrined. A turning point came with the legislation of Peter I—particularly the Military Articles of 1715—which for the first time distinguished stages of criminal activity (preparation, attempt) and provided for reduction of punishment in case of repentance. The article further analyzes the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845, which systematized norms on voluntary abandonment, including exoneration of accomplices who timely prevented a crime. It shows how Soviet law (the RSFSR Criminal Codes of 1922, 1926, 1960) transformed the institution, shifting the focus to the absence of corpus delicti in cases of voluntary abandonment, and how the case law of the Supreme Court of the USSR established criteria of voluntariness and awareness. The concluding part elucidates Article 31 of the Criminal Code of the Russian Federation, under which voluntary abandonment is construed as cessation of preparation or attempt with awareness of the possibility of completing the crime. It is emphasized that the modern approach combines the traditions of pre-revolutionary law (flexibility in evaluating motives) and the achievements of Soviet legal thought (emphasis on crime prevention). The article is addressed to lawyers, legal historians, and students interested in the evolution of criminal-law institutions. The significance of the research lies in demonstrating the continuity of legal traditions and in updating historical experience to improve modern mechanisms for encouraging the abandonment of criminal activity.

Keywords: voluntary abandonment of a crime; historical-legal analysis; Russian criminal law; evolution of law; stages of a crime; criminal liability; judicial practice; legal doctrine

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Sviridov Yu. V. Voluntary Abandonment of a Crime in Russian Law: From the Russkaya Pravda to the Criminal Code of the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2025;22(3):441-454. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-3-441-454>. EDN: <https://elibrary.ru/jitjvo> (In Russ.)

© Sviridov Yu. V., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное право как инструмент социального регулирования призвано не только карать за совершенные преступления, но и предотвращать их, минимизируя общественную опасность. Одним из ключевых механизмов, направленных на достижение этой цели, выступает институт добровольного отказа от преступления, позволяющий лицу избежать ответственности при условии прекращения преступной деятельности до наступления вредных последствий. Этот правовой феномен, сочетающий в себе элементы гуманизма и прагматизма, имеет глубокие исторические корни в российском законодательстве, эволюция которого отражает изменения в понимании справедливости, соразмерности наказания и роли государства в профилактике преступности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта для совершенствования современных норм. Несмотря на детальную регламентацию добровольного отказа в ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) многие правовые коллизии, такие как оценка мотивов отказа или критерии осознания возможности завершить преступление, остаются предметом дискуссий. Обращение к истокам института, анализ его трансформации в разные эпохи и выявление преемственности правовых традиций позволяют глубже понять его природу и потенциал в контексте профилактики преступлений.

Цель статьи – анализ эволюции института добровольного отказа от преступления в российском праве с древнерусского и до современного периода, выделение ключевых этапов его развития и их влияния на формирование действующих норм. В этой связи можно выделить следующие задачи исследования: 1) выявить элементы добровольного отказа в ранних

правовых источниках (Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг.); 2) проанализировать нормативные новеллы Артикула воинского 1715 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях 1845 г.), заложивших основы систематизации стадий преступления; 3) оценить трансформацию института в советский период и его адаптацию в условиях меняющейся правовой идеологии; 4) охарактеризовать современную интерпретацию добровольного отказа в УК РФ через призму исторической преемственности.

Методологическую основу исследования составили историко-правовой анализ законодательных актов, сравнительно-юридический подход, а также интерпретация научных трудов отечественных правоведов (И. Э. Звечаровского [1], Р. М. Узденова [2], И. А. Исаева¹ и др.).

Статья вносит вклад в юридическую науку, предлагая комплексный взгляд на развитие института, что может быть использовано для оптимизации правоприменительной практики и дальнейших исследований в области уголовной политики. Последующие разделы работы раскрывают обозначенные этапы, демонстрируя, как многовековой опыт российского права способствовал формированию баланса между карательной и предупредительной функциями закона.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА В РАННИХ ПРАВОВЫХ ИСТОЧНИКАХ (РУССКАЯ ПРАВДА)

Некоторые авторы связывают возникновение понятия о добровольном отказе от преступления сугубо с именем Петра I [3]. Для восстановления историко-правовой справедливости следует особо подчеркнуть, что нормы об исследуемом правовом понятии своим возникнове-

¹ Исаев И. А. История государства и права России : полн. курс лекций. [2-е изд., перераб. и доп.]. М. : Юрист, 1994. 447 с.

нием обязаны правовой регламентации, имевшей место еще в Древнерусском государстве.

Возникновение правоотношений в уголовно-правовой сфере прослеживается на ранних этапах формирования государства, поскольку они являются неотъемлемой частью общественных отношений. Как отмечает И. Э. Звечаровский, исторически развитие отечественного уголовного законодательства проходило путем обеспечения соразмерной уголовной ответственности совершенному преступлению и ее минимизации с для лиц, которые в добровольном порядке предприняли необходимые меры для смягчения последствий своего деяния [1, с. 4].

Так, уже в Русской Правде можно обнаружить статьи, в которых закреплялись отдельные элементы института добровольного отказа от преступления. Например, п. 24 Русской Правды гласит: «Если же, вынув меч, не ударит, то гривна кун»². Стоит обратить внимание, что в данном случае наблюдается смягчение наказания в связи с отказом от неправомерного деяния. По сравнению с другими статьями Русской Правды, к примеру пп. 23 и 25, за удар мечом, или батоном, или чашей, за обиду взыскивалось по 12 гривен штрафа³. Для данного периода характерна смешанная система наказания, вобравшая в себя имущественные наказания в сочетании с уголовными⁴.

Другим примером может служить ст. 32 Русской Правды, предусматривающая освобождение от наказания в случае,

если лицо, укрывающее сбежавшую челядь, в течение трех дней после сообщения на торгу возвратит ее хозяину⁵.

Как видно из приведенных примеров, в первом древнерусском источнике права нормы о добровольном отказе от преступления не были четко регламентированы, однако имели определенное нормативное закрепление. И хотя институт добровольного отказа от преступления был в зачаточном состоянии и, соответственно, слабо развит, Русская Правда уже содержала некоторые статьи, касающиеся отказа от преступления, значительно смягчая наказание для лица либо в полном объеме освобождая его от юридической ответственности.

Судебники 1497 и 1550 гг. и Соборное уложение 1649 г.

С формированием централизованного Московского государства (XV–XVII вв.) в развитие положений Русской Правды появляются такие акты, как Судебник 1497 г.⁶, Судебник 1550 г.⁷ и Соборное уложение 1649 г.⁸, однако данные документы конкретно не регламентировали такое правовое явление, как добровольный отказ от преступления.

Судебник 1497 г., составленный в эпоху Ивана III, стал первым общерусским сводом законов, унифицировавшим правовые нормы раздробленных княжеств. Его содержание носило казуальный характер, фокусируясь на конкретных составах преступлений и наказаниях, а не на теоретических аспектах вины. В тексте Судебника

² Русская Правда (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 1997. Т. 4: XII век. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 01.03.2025).

³ Там же.

⁴ В Московском государстве цель наказания уже не исчерпывалась возмещением убытка.

⁵ Русская Правда (пространная редакция) ...

⁶ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. д-р ист. наук, проф. А. Д. Горский. С. 54–62.

⁷ Там же. С. 97–129.

⁸ Российское законодательство X–XX веков ... Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. тома заслуж. деятель науки РСФСР, д-р ист. наук А. Г. Маньков. С. 83–257.

1497 г. не проводилось четкого различия между приготовлением, покушением и оконченным преступлением. Например, статьи о татьбе (краже) предусматривали наказание независимо от того, была ли кража завершена (ст.ст. 8–13). Хотя христианская мораль подчеркивала значение раскаяния, в Судебнике 1497 г. это не трансформировалось в юридические нормы о смягчении наказания за добровольный отказ. Даже неудачная попытка преступления (например, поджога) каралась аналогично совершенному деянию. Таким образом, институт добровольного отказа в Судебнике 1497 г. отсутствует, что отражает архаичный характер права, где ключевым критерием была объективная сторона деяния, а не субъективные намерения.

Судебник 1550 г. (также известный как Судебник Ивана IV) расширил и систематизировал правовые нормы, частично затронув вопросы неоконченных преступлений. В статье 58 (о ложных доносах) и ст. 60 (о грабеже) прослеживается попытка учесть степень реализации преступного умысла. Например, несостоявшийся грабеж мог караться менее строго, чем совершенный, что косвенно допускало учет добровольного прекращения. В статьях о разбое (ст.ст. 52–55) упоминалось снисхождение к тем, кто добровольно прекратил преступную деятельность и явился с повинной. Однако это касалось скорее групповых преступлений и не формировало общего принципа. Несмотря на прогресс Судебник 1550 г. не закрепил добровольный отказ как самостоятельный правовой институт, сохранив приоритет объективного вреда.

Соборное уложение 1649 г., принятое при царе Алексее Михайловиче, стало наиболее полным сводом законов допетровской эпохи. Его тексты демонстрируют большую детализацию, а также элементы субъективной оценки деяний. В главе II («О государской чести») и гл. X

(«О суде») вводилось понятие «скопа и заговора» (организации преступления), что предполагало наказание уже за подготовку. Однако в ст. 198 гл. X отмечалось, что лицо, «отставшее от воровства по своей воле», могло избежать ответственности, если доказывало отсутствие злого умысла. В нормах о религиозных преступлениях (гл. I) и разбое (гл. XXI) подчеркивалось значение добровольного признания. Например, разбойник, добровольно явившийся с повинной, мог рассчитывать на смягчение наказания (ст. 16 гл. XXI). Хотя Соборное уложение 1649 г. не формулировало прямой нормы о добровольном отказе, его положения отражали зарождение идеи дифференциации вины, где начинала учитываться личная инициатива преступника.

Таким образом, в Судебнике 1497 г. добровольный отказ игнорировался, в Судебнике 1550 г. появились элементы смягчения наказания за нереализованный умысел, в Соборном уложении 1649 г. закреплялась связь между раскаянием и снисхождением. Православная идея покаяния повлияла на включение в Соборное уложение 1649 г. норм о явке с повинной, что стало прообразом добровольного отказа. В то же время в последнем акте отсутствовало четкое разделение отказа и раскаяния, а смягчение наказания отдавалось на усмотрение суда.

Институт добровольного отказа от преступления в XV–XVII вв. находился в зачаточном состоянии. Его элементы проявлялись через призму религиозной морали и практики смягчения наказания за раскаяние. Однако только в XVII в. с усложнением правовой системы началось формирование норм, учитывающих субъективную сторону преступления. Этот процесс отражает общую тенденцию русской юриспруденции от архаичного казуализма к более структурированному праву, заложившему основы для реформ Петра I.

**АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ НОВЕЛЛ
Артикула воинского 1715 г.
и УЛОЖЕНИЯ О НАКАЗАНИЯХ 1845 г.,
ЗАЛОЖИВШИХ ОСНОВЫ
СИСТЕМАТИЗАЦИИ СТАДИЙ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Принятый в период правления Петра I Артикул воинский 1715 г.⁹, как обозначено Р. М. Узденовым [2], не вызывает в научной среде разногласий о том, что в нем сформулированы положения, относящиеся к институту неоконченного преступления.

Данный законодательный акт, в отличие от современного понимания стадий преступления подходя к указанному аспекту более упрощенно, был первым нормативно-правовым документом, в котором упоминались такие стадии преступления, как приготовление к преступлению, покушение и оконченное преступление. Представляется, что в отсутствие четких определений отмеченных стадий роль прецедента и судейского усмотрения была значительно больше, чем в настоящее время. Помимо этого, например, в случае обнаружения только одного преступного умысла в отношении царственных особ, предусматривалось более строгое уголовное наказание, а преступление рассматривалось уже как оконченное (арт. 19, 127). Такая строгость наказания, думается, была связана с посягательством на государственность. При этом, к примеру, если вор был пойман на месте преступления либо его спугнули и в итоге он ничего не смог украсть, то его «шпицрутенами полегче наказать надлежит» (арт. 185). Однако покушение на убийство

наказывалось как оконченное преступление (арт. 161)¹⁰.

Представляется, что нормы, установленные в Артикуле воинском 1715 г., даны с учетом общественной опасности деяния и/или возможных фактических последствий¹¹. Следует подчеркнуть, что данный документ впервые предусматривал конкретные положения, связанные с возможностью добровольного отказа от совершения преступления. Так, арт. 96 предусматривал, что если лицо сбежало из роты или полка, но по дороге раскаялось и добровольно возвратилось, то жизнь ему сохраняется, а из-за его «злого умысла» все же назначается телесное наказание шпицрутенами. Возможность добровольного отказа от преступления, как отмечает И. А. Исаев¹², усматривается и в арт. 140. Поскольку Петр I считал недопустимым гибель офицеров на дуэли и их жизни были крайне необходимы государству для выполнения стратегических задач, данным артикулом вводилась уголовная ответственность для дуэлянтов, которые могли добровольно отказаться от совершения данного преступления.

Таким образом, впервые в данном нормативно-правовом документе была закреплена и конкретно прописана возможность добровольного отказа от преступления. Вместе с тем Артикулом воинским 1715 г. не разрабатывался институт добровольного отказа как самостоятельный правовой механизм, это соответствовало карательной направленности петровского законодательства, ориентированного на устрашение.

⁹ *Российское законодательство X–XX веков ...* М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 327–365.

Нормы данного документа применялись при привлечении к ответственности военнослужащих, а также гражданских лиц за государственные и общеуголовные преступления.

¹⁰ *Хрестоматия по истории отечественного государства и права : X в. – 1917 г. / сост. д-р. юрид. наук, проф. В. А. Томсинов.* М. : Зерцало, 1998. С. 170–177.

¹¹ *Боровиков В. Б., Смердов А. А.* Уголовное право. Общая часть : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. С. 112–113.

¹² *Исаев И. А.* Указ. соч. С. 284.

Наиболее полно концепция добровольного отказа от преступления была определена в Уложении о наказаниях 1845 г.¹³, которое воздействовало на формирование представлений о данном правовом явлении уже на современном этапе, поскольку оно четко определяло и закрепляло правовые нормы, которые остаются актуальными и в наши дни.

Согласно Уложению о наказаниях 1845 г. нарушения разграничивались на две группы – преступления¹⁴ и проступки¹⁵. Возможность добровольного отказа от преступления была предоставлена лицу на стадии покушения. Данная возможность предоставлялась при условии, что содеянное на момент покушения еще не являлось преступным деянием. В статье 119 Уложения о наказаниях 1845 г. приготовление к преступлению и покушение законодатель рассматривал как преступления. Соответственно, отсутствие наказания за неосуществленное преступление не означало отсутствие ответственности за действия, совершенные с преступным умыслом ранее.

Данным законодательным актом был введен правовой механизм, позволяющий различать стадии преступной деятельности и оценивать их последствия. Одной из основных черт Уложения о наказаниях 1845 г. являлось то, что оно содержало нормы, затрагивавшие добровольный отказ соучастников от совершения преступления (ст.ст. 124–128). В этом случае условиями освобождения соучастника от наказания являлись отказ от совершения преступления, своевременное сообщение о готовящемся преступлении властям. При этом нормы, касавшиеся соучаст-

ников преступления, различались в зависимости от вида соучастия (зачинщик, подговорщик, пособник). Следовательно, в Уложении о наказаниях 1845 г. уже придавалось значение необходимости учета различных ролей, которые могли играть лица в преступной деятельности. В связи с этим для них устанавливались различные правовые последствия. Так, согласно ст. 124 Уложения о наказаниях 1845 г., строгость наказания зачинщика уменьшалась на «одную степень против высшего наказания», если он отказывался от своего намерения совершить преступление. Соответственно, создавалась более гибкая система наказаний, учитывавшая различные обстоятельства и мотивы поведения преступников. Такой подход позволял не только смягчить наказание для тех, кто осознал свою ошибку и решил отказаться от преступных намерений, но и стимулировать других участников преступления к аналогичным действиям.

Нормы добровольного отказа от преступления также служили своего рода стимулом для предотвращения преступлений. Осознание того, что добровольный отказ может привести к смягчению наказания, могло побудить людей пересмотреть свои решения и отказаться от преступных намерений. Этот механизм, безусловно, имеет значение и в современном уголовном праве.

Таким образом, Уложение о наказаниях 1845 г. стало важной вехой в развитии уголовного права. В нем была предложена концепция добровольного отказа от преступления, фактически сохраняющая свою значимость и в современных правовых системах. Данный законодательный акт не только определил правовые нормы,

¹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX веков ... М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. тома д. ю. н., проф. О. И. Чистяков. С. 174–310.

¹⁴ «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть *преступление*» (ст. 1 Уложения о наказаниях 1845 г.).

¹⁵ «Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется *проступком*» (ст. 2 Уложения о наказаниях 1845 г.).

но и создал условия для более гуманного подхода к уголовной ответственности, учитывая обстоятельства и действия правонарушителей.

Нормы Уложения о наказаниях 1845 г. по сути отражали влияние европейских правовых моделей, где акцент делался на субъективной стороне преступления и минимизации вреда.

ствовал Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹⁶. Однако в последнем положении о добровольном отказе от преступления не получили должного развития, хотя в нем и содержалась ст. 17, предусматривавшая такую возможность на стадии покушения.

Уголовное уложение 1903 г.¹⁷ не развило положения, установленные Уложением

Таблица 1

Сравнительный анализ новелл
 Артикула воинского 1715 г. и Уложения о наказаниях 1845 г.

Критерии	Артикул воинский 1715 г.	Уложение о наказаниях 1845 г.
Нормативное закрепление в новеллах	Отсутствовало, косвенно упоминалось в контексте смягчения наказания	Прямое регулирование в ст.ст. 119, 154 и др.
Стадии преступления	Умысел, покушение и оконченное деяние, но без дифференциации	Четкое разделение стадий с учетом добровольного отказа
Цели новелл	Устрашение и возмездие	Предупреждение преступлений и гуманизация наказания
Практическое влияние	Жесткость наказаний снижала мотивацию к добровольному отказу от преступления	Создание правовых стимулов для прекращения преступлений

Анализ Артикула воинского 1715 г. и Уложения о наказаниях 1845 г. демонстрирует эволюцию подходов к добровольному отказу от преступлений: от полного игнорирования в эпоху Петра I до системного регулирования в середине XIX в. Эти изменения стали следствием как внутренних реформ (либерализации судопроизводства), так и заимствований из европейского права. В Уложении о наказаниях 1845 г., несмотря на сохранявшийся сословный характер наказаний, обозначилась тенденция к гуманизации, что имеет актуальность и для современной уголовно-правовой теории.

Начиная с 1864 г., одновременно с Уложением о наказаниях 1845 г. дей-

о наказаниях 1845 г., однако имело прогрессивный аспект, поскольку в ст. 49 устанавливалось, что если начавшееся преступное действие было прекращено по воле случая, а не по воле виновного, то оно является наказуемым. При этом Уголовное уложение 1903 г. содержало в себе некоторые неоднозначные, с точки зрения современной правовой системы, положения. В частности, данный документ регулировал добровольный отказ от соучастия в преступлении в разнообразных формулировках, повторявшихся в различных частях данного акта. Так, ст. 51 Уголовного уложения 1903 г. устанавливалось, что соучастник, отказавшийся от совершения преступления и принявший

¹⁶ Российское законодательство X–XX веков ... М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. тома д. ю. н., проф. Б. В. Виленский. С. 394–419.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков ... М. : Юрид. лит., 1994. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. тома чл.-кор. АЕН РФ д. ю. н., проф. О. И. Чистяков. С. 271–320.

своевременно все зависящие от него меры для его предотвращения, освобождается от уголовной ответственности. Важно отметить, что понятие своевременности принятых мер оставляло значительный простор для судебного толкования, поскольку четких критериев указанного понятия в исследуемом Уложении не содержалось. Это позволяло суду учитывать конкретные обстоятельства дела, что в свою очередь порождало необходимость высокой квалификации судей, а также предоставляло пространство для субъективизма.

Отсутствие в Уголовном уложении 1903 г. четких критериев относительно добровольного отказа от преступления подчеркивает несовершенство данной системы уголовного права, которая ставила перед судом задачу интерпретации довольно размытых правовых норм.

При всем вышперечисленном, как отмечается в специальной литературе, в дореволюционный период законодательство демонстрировало высокую степень разработки проблемных вопросов [4, с. 47], к которым следует отнести институт добровольного отказа от преступления.

Оценка трансформации института добровольного отказа от преступления в советский период и его адаптации в условиях меняющейся правовой идеологии

Переломным моментом для уголовного права стала Октябрьская революция 1917 г. Следующий период, длящийся вплоть до хрущевской оттепели, современники

определяют как карательный¹⁸. Законодательная база изначально стала выстраиваться на основании декретов, которые отражали основные правила, но не способны были регламентировать всю уголовно-правовую деятельность. Понимая это, советская власть на начальном этапе приняла декрет от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 «О суде»¹⁹ и декрет от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде»²⁰, согласно которым регулирование уголовно-правовых вопросов должно было осуществляться в соответствии с Уложением о наказаниях 1845 г. и Уголовным уложением 1903 г. в части, не отмененной декретами и не противоречащей «правосознанию трудящихся классов».

Первый Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) от 1 июня 1922 г.²¹ содержал несколько статей, которые следует отнести к институту неоконченного преступления (ст.ст. 12, 13, 14). При этом в ст. 14 УК РСФСР 1922 г. регулировался добровольный отказ от преступления. Указанная статья предусматривала такую возможность при одновременном соблюдении двух условий – недоведение покушения до конца, прекращение покушения по воле виновного. При соблюдении указанных условий виновный подлежал уголовной ответственности, но только за преступление, которое он успел совершить до момента добровольного отказа.

Положительными аспектами новой регламентации рассматриваемой нормы являлись введение положений, основанных на отсутствии состава преступления; признание возможности добровольного отказа от преступления уже на стадиях

¹⁸ Карательная направленность уголовного процесса была построена на пролетарском правосознании, классовом чутье, непримиримости к врагам, обвинительном уклоне лиц, занимающихся производством по уголовному делу [5, с. 25].

¹⁹ *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1917. № 4, ст. 50.

²⁰ Там же. 1918. № 26, ст. 420.

²¹ *О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР* (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1922. № 15, ст. 153.

²² *О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР* редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») : постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1926. № 80, ст. 600.

подготовки и исполнения, что расширяло рамки применения данного института и позволяло более гибко реагировать на действия, направленные на предотвращение преступления самим лицом, намеревавшимся его совершить; ненаступление уголовной ответственности.

Нормы, закрепленные ст. 16 УК РСФСР 1960 г.²³, наиболее полно устанавливали основания освобождения от ответственности, подчеркивая отсутствие состава преступления при добровольном отказе. При этом данная статья не детализировала описание добровольного отказа от преступления, оставляя пробел в этом направлении, что значительно усложняло правоприменительную практику.

Ввиду того, что ключевым элементом исследуемого института является осознание виновным лицом реальной возможности недоведения преступления до конца, Верховным судом СССР уже в 1963 г. было принято несколько постановлений, в которых давалось толкование указанной правовой нормы. Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 10 июля 1963 г. по делу № 6-УШ-63 внимание было обращено на то, что принципиально важным является отличие добровольного отказа от совершения преступления от ситуации, когда преступление не совершено из-за непреодолимых объективных препятствий²⁴. Данное Определение являлось одной из первых и важнейших правовых позиций высшего суда, позволившей установить для нижестоящих судов критерии добровольного отказа, в нем подчеркивалась невозможность квалификации действий как добровольного отказа от совершения преступления, когда его прекращение было обусловлено не изменением намерений виновного, а объективными препятствиями, независимыми от его воли. Именно это является определяющим фактором добровольного

отказа от преступления, поскольку данное действие предполагает активный выбор виновного в пользу прекращения противоправного деяния, а не пассивное прекращение преступления ввиду возникших объективных внешних обстоятельств.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УК РФ

В действующем УК РФ норма о добровольном отказе от преступления (ст. 31) дает легальное определение данному понятию, под которым понимается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. При этом последний критерий является обязательным.

Расположение данной нормы в гл. 6 «Неоконченное преступление» УК РФ обусловлено тем, что институт добровольного отказа применяется исключительно на стадиях приготовления к преступлению или покушения на него, то есть в рамках незавершенной преступной деятельности. При таком подходе особое значение имеет то, что правильное решение вопроса об ответственности по данным основаниям не представляется возможным без уяснения сущности норм о добровольном отказе от преступления.

В юридической литературе понятие добровольного отказа от преступления рассматривается через несколько ключевых признаков – добровольность, окончательность, осознанность.

Само по себе деяние является волевым актом осознанного поведения человека. Поэтому, как правило, любое действие (бездействие) связано с волеизъявлением. Сознание и воля – важнейшие регуляторы поведения вменяемого лица.

²³ Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497.

²⁴ Бюл. Верхов. Суда СССР. 1963. № 5. С. 26.

Р. И. Михеев рассматривает свободу воли в узком и широком смысле²⁵. В широком смысле – как общенациональное качество личности, служащее основанием для любого вида социальной ответственности; в узком смысле – как возможность наличия «злой воли» у преступника, а именно способности быть виновным, признаваться преступником и нести ответственность за преступление. В этом смысле невозможно расценивать как преступление действия лица, которое добровольно отказалось от совершения преступления.

Воля лица, направленная на отказ от совершения преступления, обычно рассматривается как психологический фактор. Воля с психологической точки зрения – некий психический регулятивный процесс, который завершается принятием решения. Осознанные действия позволяют сформировать ценностно-смысловой компонент сознания, обеспечивающий истинность представления и умозаключения о действительной реальности и необходимости отказа от совершения преступления. Поэтому сознание и воля как свойства нормальной психики неотделимы друг от друга.

Признак добровольности заключается в том, что лицо осознанно, на основании собственного волеизъявления, окончательно прекращает противоправную деятельность.

Р. Л. Габдрахманов подмечает, что неудачная попытка совершения преступления

и дальнейший отказ от повторной попытки не должны рассматриваться в качестве добровольного отказа от преступления²⁶.

В этой связи следует указать, что важным аспектом являются мотивы отказа от преступления, которые могут иметь как нравственный характер (жалость к потерпевшему), так и эмоциональный (страх перед разоблачением, наказанием и т. п.)²⁷. Можно заключить, что установление мотива добровольного отказа от преступления является необходимым условием для применения ст. 31 УК РФ²⁸.

Когда прекращение преступной деятельности происходит не по воле лица, а под давлением обстоятельств или других лиц, то такой отказ не может считаться добровольным. Например, если лицо под угрозой физической расправы или иным образом принуждается к прекращению своих действий, то это не будет соответствовать критериям добровольного отказа. Следовательно, принципиальный аспект является наличие свободы воли и осознанности в принятии решения.

Понятие добровольного отказа, по всей видимости, включает в себя как объективные, так и субъективные признаки. К объективным признакам относится само прекращение преступной деятельности²⁹. Субъективные признаки определяют волевой характер добровольного отказа от преступления, прежде всего, наличие внутреннего осознанного, добровольного и окончательного решения прекратить преступную деятельность.

²⁵ Михеев Р. И. Уголовное право России. Общая часть : учеб. для вузов. М. : Юстицинформ, 2020. С. 560.

²⁶ Уголовное право. Общая часть : учеб. / [Н. И. Ветров, Р. Л. Габдрахманов, В. И. Динека и др. ; отв. ред. Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов]. М. : Новый юрист : КноРус, 1997. С. 315.

²⁷ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : Бек, 1996. С. 284.

²⁸ См., напр.: Гринь М. В. Неоконченное преступление : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 167–168 ; *Преступление: вопросы и ответы* (по Уголовному кодексу Российской Федерации) : науч.-практ. пособие / [А. А. Игнатьев и др.]. 2. изд., испр. и доп. М. : Шумилова, 2001. С. 86.

²⁹ Прекращение приготовления к преступлению может осуществляться как активными действиями (например, уничтожение средств, предназначенных для совершения преступления), так и пассивными (к примеру, прекращение наблюдения за предполагаемой жертвой). Похожим образом осуществляется прекращение неоконченного покушения на преступление, которое возможно через активные и пассивные действия. В случае с окончанным покушением добровольный отказ допустим только через активные действия, направленные на предотвращение наступления преступных последствий.

Также важным моментом является интеллектуальная составляющая. Интеллектуальный признак характеризует сознание, волевой – способность лица руководить своими действиями. Интеллектуальный критерий определяется правильным представлением о явлениях действительности и производимых субъектом действий. Интеллект, эмоционально-волевая сфера и мотивационные процессы субъекта должны позволять ему адекватно оценивать обстановку, принимать решения на должном интеллектуальном уровне, выбирать соответствующие варианты поведения³⁰. То есть лицо должно понимать противоправность своих действий и осознавать возможность привлечения его к уголовной ответственности. Нельзя признать добровольный отказ лица, имеющего психическое расстройство, исключаящее вменяемость.

Таким образом, современный институт добровольного отказа отражает гуманистические принципы уголовного права, поощряя лицо к отступлению от преступного пути. Его правильное применение требует тщательного анализа как объективных обстоятельств прекращения преступления, так и субъективных мотивов лица, что подчеркивает необходимость соотнесения правовых и психологических критериев при оценке конкретных случаев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция института добровольного отказа от преступления в российском праве представляет собой сложный процесс, отражающий трансформацию правосознания, социальных ценностей и государственной политики. Проведенное исследование этой эволюции демонстрирует, как под влиянием исторических, социальных и идеологических факторов формировался механизм, сочетающий гуманизацию ответственности и профилактику преступности. Начиная с древнерусского

периода, первых упоминаний в Русской Правде, когда ранние элементы этого института проявлялись в виде смягчения наказаний за незавершенные действия, нося казуальный характер, и заканчивая современными нормами УК РФ (ст. 31), данный правовой механизм прошел путь от фрагментарных упоминаний до системной регламентации, сочетающей гуманизм и прагматизм, от имплицитного признания значимости воли преступника до системного закрепления в законодательстве.

Ключевые этапы развития раскрывают преемственность правовых традиций. Древнерусский период заложил основы дифференциации ответственности, используя имущественные санкции как инструмент стимулирования отказа от преступления. Законодательство Московского государства (Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г.) акцентировало роль доказательств завершенности деяния, косвенно признавая значение прерванных преступных действий. Артикул воинский 1715 г., акт эпохи Петра I, стал поворотным пунктом, введя стадии преступления (приготовление, покушение) и снизив наказание за раскаяние, что отражало рационализацию карательной политики. Уложение о наказаниях 1845 г. систематизировало нормы, разрешив добровольный отказ на стадии покушения и предусмотрев освобождение соучастников, что подчеркивало роль индивидуальной воли в преступной деятельности. Советский период трансформировал институт через призму классового подхода, сместив акцент на отсутствие состава преступления, а судебная практика Верховного Суда СССР закрепила критерии добровольности и осознанности.

Современный этап, отраженный в УК РФ, синтезирует исторический опыт:

– добровольность как свободное волеизъявление, исключаящее внешнее принуждение;

³⁰ Романов В. В. Юридическая психология : учеб. 2-е изд. М.: Юристъ, 2004. С. 189.

– окончательность отказа, исключающая возобновление преступного умысла;

– осознание возможности завершить деяние, что связывает субъективную и объективную стороны преступления.

Значение исследуемого института заключается в его двойственной природе: он служит инструментом не только гуманизации наказания, но и профилактики преступлений, создавая стимулы для отказа от противоправных действий. Исторический анализ показывает, что эффективность норм о добровольном отказе от преступления напрямую зависит от баланса между строгостью закона и гибкостью оценки мотивов лица.

Однако остаются нерешенные вопросы:

– субъективность критериев (например, осознание возможности завершить преступление), требующая дальнейшей детализации в правоприменительной практике;

– разграничение добровольного отказа и деятельного раскаяния, что особенно

актуально для сложных составов преступлений;

– стимулирование отказа при групповых преступлениях, где роль соучастников требует более четких правовых ориентиров.

Перспективы развития института видятся в усилении превентивной функции через образовательные и социальные программы, разъясняющие гражданам последствия отказа от преступной деятельности, а также в интеграции международного опыта, например моделей реституционной юстиции.

Таким образом, эволюция добровольного отказа от преступления отражает общую тенденцию российского права – движение от репрессии к профилактике, от формализма к учету человеческого фактора. Этот институт, вобравший многовековой опыт, остается важным элементом уголовной политики, требующим дальнейшего осмысления и адаптации к вызовам современности.

Список литературы

1. Звечаровский И. Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 86 с.
2. Узденов Р. М. Институт неоконченного преступления в Артикулах воинских 1715 г. // Актуальные вопросы юридических наук : V междунар. науч. конф. (г. Краснодар, июнь 2019 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. Краснодар : Новация, 2019. С. 1–3.
3. Савин А. А., Баринов А. В. Становление института добровольного отказа от преступления: его понятие, признаки и характеристика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 180–182. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2020.2.56097>
4. Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность : моногр. М. : Юрлитинформ, 2013. 618 с.
5. Касаткина С. А. Признание обвиняемого : моногр. М. : Проспект, 2010. 224 с.

References

1. Zvecharovskii I. E. *Voluntary Abandonment of Bringing a Crime to Completion*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2008. 86 p. (In Russ.)
2. Uzdenov R. M. The Institution of the Inchoate Crime in the Military Articles of 1715. In: Akhmetov I. G. (Ed.). *Current Issues of Legal Sciences*. Krasnodar: Novatsiya Publ.; 2019. P. 1–3. (In Russ.)
3. Savin A. A., Barinov A. V. Formation of the Institution of Voluntary Renunciation of Crime: Its Concept, Features and Characteristics. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2020;2:180-182. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2020.2.56097> (In Russ.)
4. Dorogin D. A. *Circumstances Excluding Criminal Liability*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2013. 618 p. (In Russ.)
5. Kasatkina S. A. *Confession of the Accused*. Moscow: Prospekt Publ.; 2010. 224 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Владимирович Свиридов, адвокат Адвокатской палаты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ул. Гагарина, 116, Ханты-Мансийск, 628002, Российская Федерация), Адвокатский кабинет Свиридова Ю. В.; ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-4908-284X>; e-mail: adv.sviridov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Sviridov, Attorney at the Chamber of Advocates of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra (116 Gagarin str., Khanty-Mansiysk, 628002, Russian Federation), Law Office of Yu. V. Sviridov; ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-4908-284X>; e-mail: adv.sviridov@gmail.com

Поступила | Received
12.03.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
09.04.2025

Принята к публикации | Accepted
30.04.2025